

Борис ДУБИН

Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России¹

Он был в стране отцом любимым
И мудрецом из мудрецов.
Однако счел необходимым
Детей оставить без отцов...

Николай Глазков

К 55-летию победы над фашизмом 9 мая 2000 г. в Кремле была открыта мемориальная плита работы З.Церетели в честь героев Второй мировой войны. Список из 18 позиций начинался фамилией Сталина (еще за год до этого она фигурировала исключительно на плакатах демонстрантов от КПРФ 7 ноября, в день официального праздника Октябрьской революции в СССР, и в выступлениях лидера коммунистов Г.Зюганова, который в 1999 г. в связи со 120-летней годовщиной со дня рождения генералиссимуса, назвал его "человеком, выигравшим войну" и "самым великим государственным деятелем в истории России XX века"). В том же 2000 г. были выпущены юбилейные медали в честь Потсдамской конференции 1945 г., на которых был выбит портрет Сталина. В поздравительной речи ко Дню победы в 2000 г. президент России В.В.Путин обратился к согражданам со словами "братья и сестры", которые памятливы старшим поколениям россиян по радиообращению Сталина к советскому народу 3 июля 1941 г. Наконец, комментируя по телевидению праздничные события того же дня в 2000 г., Никита Михалков высказал соображение о том, что было бы "справедливо" вернуть нынешнему Волгограду его прежнее имя — Сталинград².

Прошли два года, и в ноябре 2002 г., в дни, когда на встрече с представителями высшего офицерского состава российской армии президент принял их предложение вернуть на красное

военное знамя России пятиконечную звезду, вопрос о переименовании города подняли в Думе самого Волгограда. На рубеже XX и XXI вв. символические попытки вернуть имя и фигуру Сталина в официальный пантеон героев России становятся все чаще, а уровень, на котором эти попытки предпринимаются, — все выше. Десять лет назад это казалось невероятным. И так думали не только активисты "Московской трибуны" или инициаторы общества "Мемориал". В это не поверили бы да и действительно не верили тогда сами массовые респонденты. Отвечая в 1991 г. на вопрос: "Кого из названных государственных, общественных, культурных деятелей России и СССР будут вспоминать через десятки лет?" меньше 1% из 2110 опрошенных отметили в предлагавшемся списке фамилию Сталина. Как же это стало реальным за десять минувших лет и что произошедшее значит? Как можно его понимать?

Фигура "вождя" и социально-политические перемены 1990-х годов. Во второй половине 1980-х годов, на период начала общенациональных социологических опросов в СССР, И.Сталин был фигурой, постоянно подвергаемой в перестроечной печати и других масс-медиа самой массовой, острой и практически единодушной критике¹. В его символическом образе, как ни в одном другом, в формулах "культ Сталина", "сталинизм", "сталинщина", "сталинская система" для политологов, историков, правоза-

¹ В основе публикации — статья для итальянского журнала социальных наук "Ventunesimo Secolo"; здесь она значительно расширена и переработана.

² Судя по опросу 2001 г. (N=1600 человек), россияне на тот момент все-таки скорее не поддержали бы подобную идею. "За" высказались тогда 22% опрошенных, затруднились ответить 24%, а "против" — 54%. К январю 2003 г. (N=1600 человек) доля не поддержавших переименование осталась практически той же (52%), сократилось число не определившихся (17%). Соответственно, доля сторонников переименования увеличилась до 31%.

¹ Обзор и анализ тогдашней ситуации, ее динамику вместе с библиографией наиболее заметных публикаций того времени о Сталине и сталинизме см.: *Ферретти М.* Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 5 (особенно с. 41–45). Об эволюции и столкновении подходов в трактовке фигуры Сталина, его окружения, всей сталинской эпохи среди отечественных историков на протяжении 1987–1990 гг. см.: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992.

щитников, журналистов, ставших влиятельными публичными фигурами, воплощались на тот момент все отрицательные, бесперспективные, разрушительные черты советского централизованно-иерархического, командно-принудительного, репрессивного устройства политической и экономической жизни общества в целом. Предполагалось, что от этого страна будет теперь уходить, расставаясь, среди прочего, и со сторонниками "сталинского пути" как олицетворения всего советского, представленными в руководящих органах государства. Функция публичных апелляций к имени Сталина и к сталинской эпохе для этого периода определялась именно данным политическим и идеологическим противостоянием "старого" и "нового", "реформаторов" и "консерваторов" фактически в одном вопросе — вопросе о судьбе СССР как военизированной державы и "закрытого общества", изолированного от мира.

Тем самым в обобщенной фигуре Сталина для массового сознания соединялась на тот момент семантика предельно высокой значимости и вместе с тем предельно негативной оценки, заданной популярными политиками, авторитетными масс-медиа. Резко выраженная и неустрашимая двусмысленность сталинского образа сохранилась и в дальнейшем. Можно предположить, что данный момент в значительной степени составляет смысловой потенциал фигуры Сталина в сознании россиян и сегодня. В его двойственном образе, наряду с прочим, символически представлено раздвоение и двоемыслие, привычное для советского образа жизни, для наследующих его россиян в целом, для слоя интеллигенции, в частности. Но представлено это двоемыслие в данном случае так, что возвышается и демонизируется прессой, кино, телевидением, литературой до сверхъестественного сочетания **несочетаемого**¹. Подобное, не

поддающееся рационализации смысловое сочленение, суггестивное семантическое образование, в свою очередь, выступает для массы показателем некоей экстраординарной мощи, которая "по праву силы" как бы отменяет на неопределенное время ("час Ч") сложившийся строй жизни, рутинные действия непопулярных и неавторитетных властей, писанный, но не исполняющийся ни властью, ни людьми закон и т.д.

Чем ниже, замечу для дальнейшего, уровень авторитетности каких бы то ни было публичных фигур в массовом сознании, чем уже и единообразнее круг признаваемых массой "лидеров" общественного мнения, тем выше индивидуальные и совокупные символические акции подобных обобщенных фигур двойной, позитивно-негативной самоидентификации населения. Помимо присоединения тех или иных отрицательных черт к самой центральной фигуре символического пантеона, они могут быть "отслоены" от нее и персонифицированы в отдельных образах-масках, которые соотносятся с главным героем или с дополняющими его персонажами, его позитивными дублерами. В обобщенных наборах массовых авторитетов прошлого (см. о них ниже) такими выступают для опрашиваемых социологами россиян, например, Наполеон — негативный дублер позитивно оцененных фигур отечественных полководцев Кутузова и Суворова, или Гитлер как своеобразный контражур для фигуры Георгия Жукова; последний, в свою очередь, фигурирует в массовом сознании на правах "ослабленного" позитивного дублера Сталина как военачальника, полководца. Позже такой контрапроекцией для массового образа В.Путина становятся теряющие самостоятельное значение фигуры М.Горбачева и Б.Ельцина (отметим, что подобный демонический, "черный" компонент практически отсутствует в массовых представ-

¹ Впрочем, подобное приращение сталинской фигуре исполнинских масштабов и сверхъестественных черт было характерно уже для начальных этапов мифологизации вождя. Таков его образ как воплощенного "князя тьмы" в "Розе Мира" Д.Андреева, следы подобной гиперболизации видны в "Оде" О.Мандельштама и т.д.; сегодня эти тенденции охотно стереотипизируются эпигонами — таков демонизированный вождь в мистическом романе Е.Вепрева "Сталина не знал никто" (1996), Сталин-антихрист в романе Н.Никонова "Стальные солдаты" (2000) и др. Циклопические усилия по "сакрализации" образа вождя, примеры которых дала и эпоха гласности ("Тайный советник вождя" В.Успенского, 1989–1990; "Диктатор" А.Марченко, 1997; "Смерть титана" С.Есина, 2001 и др.), рано или поздно должны были вызвать его столь же символическое поругание — более раннее и сравнительно умеренное у А.Солженицына ("В круге первом"), затем гротескно-сатирическое у В.Коркия ("Черный человек, или Я, бедный Сосо Джугашвили") и ВАксенова ("Московская сага"), более позднее и беспардонно циничское у В.Сорокина ("Голубое сало"). Двойственность —

ведущая черта сталинского образа в либерально-критических портретах вождя в неподцензурной литературе 1960–1980-х годов — романах В.Гроссмана "Жизнь и судьба", А.Бека "На другой день", Ю.Домбровского "Факультет ненужных вещей", Ф.Искандера "Сандро из Чегема", А.Рыбакова "Дети Арбата", повестях Д.Гая "Телохранитель", Л.Лиходеева "Поле брани, на котором не было раненых" и др. Демоническая соблазнительность, опасная привлекательность этой двойственности для интеллигентского сознания была самокритично отмечена А.Синявским в автобиографическом романе "Спокойной ночи". Как болезненная, не подвластная сознательному контролю сосредоточенность на сталинской фигуре отразилась в автобиографии А.Зиновьева "Русская судьба". См. по этой теме: *Marsh R.J. Images of Dictatorship: Portraits of Stalin in Literature. L.; N.Y., 1989; Idem. Literary Representations of Stalin and Stalinism as Demonic // Russian Literature and its Demons / Ed. P.Davidson. N.Y.; Oxford, 2000. P. 473–511; Добренко Е. Сделать бы жизнь с кого? Образ вождя в советской литературе // Вопросы литературы. 1990. № 9. С. 3–34.*

лениях, например, о Л.Брежнев). Приведем распределение ответов на вопрос: "Назовите, на Ваш взгляд, самого страшного для истории России человека" (1999 г., N=1601 человек)¹:

Вариант ответа	%
И.Сталин	24
Б.Ельцин	15
В.Ленин	7
М.Горбачев	6
Л.Берия	5
Затруднились ответить	25

Кого из нижеследующего списка Вы бы могли назвать "злым гением" России XX века? (1999 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
И.Сталин	21
Л.Берия	15
М.Горбачев	12
Б.Ельцин	10
В.Ленин	9
А.Чубайс	8
Б.Березовский	5
Затруднились ответить	11

Стоит напомнить, что высокий семантический потенциал в его двойственности был, в частности, накоплен И.Сталиным как символической фигурой в 1960-х — начале 1970-х годов, когда имя и изображение вождя, после выноса его тела из мавзолея в 1961 г., были вытеснены из публичной жизни в негласную "серую зону". Именно в качестве запретных, но этим отчасти и притягательных, они со временем, по мере разложения режима, стали демонстративно культивироваться отдельными группками населения как на периферии страны (в Закавказье, особенно в Грузии, где в 1970-е годы практиковались полуофициальные экскурсии по сталинским местам для туристов), так и в ее центре (появление любительски размноженных сталинских фото на ветровых стеклах грузовых автомобилей, торговля ими из-под полы в подмосковных электричках, просталинские аллюзии в стихах поэтов коммуно-державной ориентации — Ф.Чуева и др.).

К тому же 1965—1966 гг. — начальный этап укрепления и легитимации Л.Брежнева в составе тогдашнего коллективного руководства — были отмечены полумаскированными попыт-

¹ Здесь и далее во всех случаях, кроме специально оговоренных, данные общенациональных репрезентативных опросов ВЦИОМ приводятся в процентах от числа всех опрошенных в данном исследовании или в каждом указанном из серии аналогичных исследований.

ками "реабилитировать" И.Сталина со стороны определенных группировок на политическом верху¹. Отзвуки этого, слухи об этом просачивались в круги интеллигенции, доходили до "низов". Затем, уже в зрелые и поздние брежневские времена — конец 1970-х — начало 1980-х годов, особенно в 1979 г. в связи со 100-летием И.Сталина — имя и образ вождя усилиями всей системы партийно-государственной пропаганды были постепенно не просто возвращены в печать, кино, учебники истории, но стали переозначиваться в сугубо позитивном плане. Фоном для подобных предприятий служила, с одной стороны, все более рутинизирующаяся пропаганда имени и фигуры В.Ленина, казалось, терявшая сколько-нибудь широкую и содержательную поддержку населения², а с другой — начавшие с 1970—1971 гг. все шире тиражироваться вновь идеологемы "советского народа" и "советского человека" как неких особых исторических феноменов. При этом с фигурой И.Сталина, его стилем руководства, способностями "великого стратега" стали связываться индустриально-военная мощь советского государства и победа в Отечественной войне. Война же — в дополнение, а потом отчасти и "на смену" Октябрьской революции — как раз в этот период начала в СССР публично получать значение центрального события всей советской истории, вообще истории XX в.³

В первом опросе по программе "Советский человек" (1989 г., N=1250 россиян) фамилия И.Сталина замыкала первую десятку "выдающихся людей всех времен и народов", которые респонденты назвали по собственному выбору. 12% опрошенных причислили тогда И.Сталина к "выдающимся"; безоговорочно же первое место в сформированном таким образом списке отводилось В.Ленину — его без "подсказки" в анкете назвали 75%. При этом И.Сталина чаще других групп называли опрошенные самого старшего и наиболее молодого возрастов, со средним образованием и ниже. Еще один характерный для того времени нюанс: значимость фигур И.Сталина

¹ Один из косвенных следов этой борьбы — "утечка" на Запад как полицейской сводки, компрометирующей дореволюционное прошлое вождя, так и трех заключительных томов собрания сталинских сочинений, полностью подготовленных к печати, но не успевших выйти в СССР при жизни автора; в 1967 г. их издал Стэнфордский университет.

² См. об этом, например: Van Goudoever A.P. The Limits of Destalinisation in the Soviet Union. Political Rehabilitations in the Soviet Union since Stalin. L.; Sidney, 1986; Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в советской России. СПб., 1997. С. 236-237.

³ См. об этом: Гудков Л. Победа в войне: К социологии одного национального символа // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 5. С. 12-19.

и В.Ленина в массовом сознании были на этот момент во многом противоположны. И чем чаще в названных или в каких-то других подгруппах опрошенных к "выдающимся" причисляли И.Сталина, тем реже, напротив, в этом качестве называли В.Ленина (эхо публицистики и искусства времен "оттепели", чьи идеи и представления "шестидесятники" перенесли уже в перестроечную прессу и масс-медиа). Таковы были на тот момент авторитеты прошлого. Первые же места в списках актуальных героев года на протяжении 1988 г. — начала 1990-х годов неизменно занимали фигуры вождей-реформаторов — сначала М.Горбачева, затем Б.Ельцина.

С 1992–1993 гг. описанная символическая композиция начала меняться. События вокруг Фороса, распад СССР и уход М.Горбачева с политической авансцены; в спешке не понятые (да и не объясненные толком), но остро воспринятые и тяжело пережитые массами первые негативные последствия гайдаровских реформ; резкий разрыв Б.Ельцина с прореформаторскими фигурами в политике и экономике; последовавшая за ним самоизоляция президента и радикализация политического противостояния в "верхах"; затем расстрел Белого дома по приказу Б.Ельцина и т.д. — все это самым отрицательным образом повлияло на символическую значимость образов реформаторов, всех идей и символов реформ в массовом сознании россиян. Фигура И.Сталина вместе с риторикой "стабильности и порядка", а также с образом эпохи Л.Брежневца, которая по контрасту с "хаосом" и "беспределом" окружающей жизни все чаще вспоминалась большинством российского населения с ностальгией, стали, напротив, набирать положительный потенциал массовых оценок.

Приведем распределение ответов на вопрос: **"Как бы Вы оценили роль И. Сталина в мировой истории?"** (1994 г., N=2957 человек):

Вариант ответа	%
В целом положительная	28
Незначительная	5
В целом отрицательная	47
Затруднились ответить	20

Кого из названных ниже людей Вы считаете самым выдающимся политическим/общественным деятелем за всю историю России после 1917 г.? (1998 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
В.Ленин	21
И.Сталин	15
А.Сахаров	11
Ю.Андропов	8
Л.Брежнев	5
Затруднились ответить	12

Условно назовем этот первый аспект оценок (переоценок) сталинского образа в России середины и второй половины 1990-х годов "делиберализацией" общественного сознания — "освобождением" от сравнительно внешних и, как оказалось, весьма нестойких новых представлений об обществе и человеке, от элементов реформаторской риторики, которую несколько лет вносили в него средства массовой информации, сами первые лица страны, тогдашние лидеры общественного мнения. Есть и другой аспект. Он связан с укрепляющимися параллельно настроениями изоляционизма, "неотрадиционализацией" массового сознания¹. Эти настроения во многом выразили первичную, шоковую реакцию большинства на распад СССР и были многократно усилены воздействием первых экономических сдвигов и тех перемен на политическом вершине, в масс-медиа, о которых говорилось выше. По крайней мере, новые акценты в массовых оценках россиянами обобщенного образа "Запада", "западной культуры" появились уже к концу 1992 г.

Напомним, что для общественного мнения и средств массовой коммуникации в России на рубеже 1980–1990-х годов была характерна весьма высокая оценка западного общества, прежде всего Японии и США, его экономики и политических установлений, образа жизни в целом. Негативным фоном для нее служила быстро распространившаяся в конце 80-х годов крайне низкая оценка экономических и политических институций СССР, всего советского опыта. В 1989 г. такую отрицательную оценку всего советского поддерживали порядка 40% населения, еще примерно столько же, даже чуть больше, затруднились с ответом². В конце 1991 г. 60% из 6585 опрошенных оценили западный образ жизни положительно (11% — отрицательно, 28% затруднились с ответом). Эта тенденция ощущалась еще в 1992 г., хотя показатели позитивных ориентации на страны Запада начали снижаться. Напротив, стала быстро расти доля колеблющихся в оценках Запада, западной экономической помощи России, влияния западной культуры и доля затрудняющихся с ответом на подобные вопросы. В октябре 1992 г. (N=1499 человек) уже 52% опрошенных оговорились, что "страна должна быть открыта для западной культуры, но так, чтобы не пошатнулись русские устои", а 25% высказали резкую, полностью отрицательную оценку куль-

¹ Об этом процессе и его механизмах см.: Гудков Л. Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены... 1997. №2. С. 25-33.

² См.: Есть мнение! Итоги социологического опроса. М., 1990. С. 284.

туры Запада как "неприемлемой, чуждой для нас". Поддерживающие идею свободного обмена культур остались в меньшинстве (13%).

К 1994 г., а особенно к 1995 г., композиция оценок россиянами "западного" и "своего" резко изменилась¹. На это повлияли многие социально-политические факторы. Действуя порознь, но резонируя друг другу, они дали, среди прочего, парадоксальный результат. Преобладающая часть населения России (вопреки штампам тогдашних масс-медиа относительно "раскола" страны, но вместе со всей, как будто бы не вызывавшей у людей доверия тогдашней верховной властью, с терявшей или растрачивающей свой социальный статус и монопольный культурный авторитет интеллигенцией) явно усилила ориентации на символы национального целого, державного престижа страны, советского прошлого, окрашенного в ностальгически-радужные тона.

Воплощением уравнилельных социальных идеалов патерналистски-ориентированного большинства стала — по контрасту с еще совсем недавними, но уже негативно переоцененными временами М.Горбачева и Б.Ельцина — эпоха Л.Брежнева. Негативная переоценка обоих реформаторов в руководстве СССР, а затем Россией шла параллельно с такой же по направленности и темпам переоценкой образа Запада. И за тем, и за другим процессом в немалой степени стояло массовое разочарование во вчерашней массовой же эйфории — своего рода вымещение за собственное легковесие. "Самобичевание" советских людей конца

¹ Подробнее обо всем этом процессе перемен в массовых оценках "Запада" см.: Дубин Б. Зеркало и рамка: Национально-политические мифы в коллективном воображении современной России // Знание—сила. 1999. № 9/10. С. 51-58; Он же. Запад, граница, особый путь: Символика "другого" в политической мифологии современной России // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 6. С. 25-35. Напомню, что во многом похожий перелом, сопровождавшийся ростом шовинизма и ксенофобии, наблюдался в советском обществе и его идейной, политической верхушке на переходе от 1920-х к середине 1930-х годов. Достаточно сравнить пред- и пореволюционные оценки российской политической, экономической, цивилизационной отсталости и западной развитости, например, у В.Ленина, А.Луначарского или М.Горького со сталинскими оценками русского народа как самого советского, самого революционного во второй половине 1930-х годов, давшими новое начало пропагандистской идеологии превосходства России и СССР над Западом. Разгром еще недавно ведущей, а теперь "вредительской" исторической школы М.Покровского во второй половине 1930-х годов силами М.Нечкиной и других разворачивался, среди прочего, по этой линии — его соратников и учеников "били" за недооценку роли русского народа и государства, за пропаганду контрреволюционных и буржуазных идей. См. об этом: Голубев А.В. Запад глазами советского общества. (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104-120.

1980-х годов, о котором упоминалось выше, трансформировалось в самонаказание россиян 1993–1995 гг., а тяжесть этого самонаказания переложили на символические фигуры ближайших "виновников". Соответственно, на горбачевское и ельцинское еще совсем недавнее время россияне перенесли и воспоминания о прежней нищете и дефиците, униженность и бесправие десятилетий советской жизни.

В сентябре 1996 г. (N=2430 человек) уже 20% опрошенных россиян ответили, что их соотечественникам стоит ориентироваться сегодня на советский образ жизни, 47% — что на "традиционный русский" и лишь 11% — на западный (22% затруднились с ответом). В следующем, 1997 г. из 1600 респондентов, отвечавших на вопрос о том, кем по отношению к России выступают сегодня крупнейшие западные страны (США, Германия, Великобритания, Япония и др.), 28% назвали их "партнерами России, имеющими с ней общие интересы", а 51% — "противниками России, которые стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам" (21% затруднились с ответом). За вторую половину 1990-х годов ко многим россиянам как бы вернулось прежнее, казалось, во многом забытое чувство "осажденной крепости" (табл. 1).

Стоит вместе с тем подчеркнуть, что интегративная сила персонализированных авторитетов, фигур государственно-политического руководства страны начала в массовом сознании россиян как раз с этого времени заметно снижаться. Значение любого отдельного имени, даже самого признанного, становилось, как видно из приведенных выше данных за 1998 г., все ниже и ниже. Символическое целое российского социума и общественного мнения, в значительной мере сплоченных мобилизационными усилиями прореформаторской власти и солидарных с ней в этом масс-медиа на рубеже 1980–1990-х годов, начало теперь слабеть, крошиться, распадаться.

Примерно одинаковый и сравнительно невысокий уровень согласия относительно ведущих фигур символического пантеона российской власти сохранялся несколько лет — до появления на политической авансцене фигуры В.Путина. С тех пор в структуре массового сознания стала быстро складываться и вскоре установилась иная констелляция символических авторитетов. Однако при этом над прежним низким уровнем значимости не возник другой, новый, выше его (как было бы при укреплении на общественной сцене новых авторитетных групп или при формировании новых институциональных структур в социальной системе общества). Произошло совсем иное: наметилась единственная

Таблица 1
**СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ СТЕМ, ЧТО ЗАПАДНАЯ КУЛЬТУРА ОКАЗЫВАЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ
 НА ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РОССИИ?** (в % от числа опрошенных в каждом году)

Вариант ответа	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2002 г.
Полностью согласен	24	31	36	29	39
Скорее согласен	24	22	25	22	28
Скорее не согласен	24	22	22	23	22
Целиком не согласен	12	13	11	13	6
Затрудняюсь ответить	16	12	6	13	5
Число опрошенных	1700	1693	1600	1708	1600

точка апогея — "полюс" или "фокус" практически всеобщего согласия. Предельно высокий уровень доверия и поддержки фигуре В.Путина в абсолютном большинстве групп российского населения сопровождался и поныне продолжает сопровождаться сравнительно и даже крайне низкой оценкой *всех остальных* политических деятелей России и институтов российского общества, за исключением нескольких, наиболее "традиционных" и модельных для него — армии, ФСБ, Русской православной церкви (РПЦ)¹.

Однако и никаких других хоть сколько-нибудь известных, признанных, влиятельных сил и фигур, кроме чиновных представителей исполнительной и, в меньшей мере, законодательной власти, в сознании всех групп россиян на нынешний день нет. Поэтому самой большой в количественном отношении группой среди респондентов (если речь идет об "открытых" вопросах по поводу влиятельных политических лидеров или популярных фигур сегодняшней России, и интервьюеры не предлагают опрашиваемым подсказок, заранее сформулированных социологами) устойчиво выступают теперь "затруднившиеся с ответом". Сцена воображаемого театра символических авторитетов сегодняшнего россиянина, можно сказать, обезлюдела. Приведем распределение ответов на вопрос: **"Кто является самым выдающимся политиком XX века?"** (1998 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
И.Сталин	11
В.Ленин	9
М.Тэтчер	5
М.Горбачев	5
Затруднились ответить	34

¹ См. об этом в работе: Дубин Б. Модельные институты и символический порядок: Элементарные формы социальности в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения... 2002. № 1. С. 14-19.

Соответственно, в оценках россиян второй половины и конца 1990-х годов уже преобладают положительные оценки фигуры И.Сталина как руководителя страны. Генералиссимус входит теперь в круг наиболее значимых фигур не только новейшей отечественной, но и мировой истории всех времен. Препрежнее негативное отношение и акцентированная двойственность его образа в той мере, в какой они усвоены массовым сознанием и стали для него привычными, фоновыми, переозначиваются. Они относятся теперь исключительно к "личным качествам" И.Сталина, которые в сознании респондентов отделяются и даже противостоят его качествам национально-государственного лидера (табл. 2). Больше того, респонденты наделяют отрицательные оценки фигуры И.Сталина значениями всего лишь своих индивидуальных симпатий и антипатий.

Выберите из настоящего списка фамилии пяти-шести общественных и политических деятелей, которые оказали наибольшее влияние на историю мира в XX в. (1999 г., N=1600 человек):

Общественный и политический деятель	%
В.Ленин	65
И.Сталин	51
А.Гитлер	51
М.Горбачев	42
Б.Ельцин	16
Н.Хрущев	14
Мао Цзэдун	13
У.Черчилль	11
Дж.Кеннеди	10
М.Тэтчер	10
Ф.Кастро	10
Затруднились ответить	12

Характерно, что именно И.Сталин — та фигура, чей потенциал символического авторитета в сознании россиян за 1990-е годы самым серьезным образом изменился. Доля людей, причисляющих его к мировому пантеону великих, выросла втрое (рост авторитетности, например,

Таблица 2

С КАКИМИ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ О И.СТАЛИНЕ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

(сумма ответов больше 100%, поскольку респондент мог дать несколько вариантов ответов; в каждом году N=1600 человек)

Вариант ответа	1998 г.	1999 г.
И.Сталин — мудрый руководитель, который привел СССР к могуществу и процветанию	16	20
И.Сталин — жестокий, бесчеловечный тиран, виновный в уничтожении миллионов невинных людей	27	32
Какие бы ошибки и пороки ни приписывались И.Сталину, самое важное — под его руководством народ вышел победителем в Отечественной войне	31	32
Политика И.Сталина привела к тому, что страна оказалась неподготовленной к войне в 1941 г.	14	18
И.Сталин продолжил дело, которое было начато В.Лениным и другими революционерами-большевиками	6	6
И.Сталин искажил идеи В.Ленина, создал строй, далекий от идеалов подлинного социализма	10	8
Только жесткий правитель мог поддержать порядок в государстве в тех условиях острой классовой борьбы и внешней угрозы	15	20
Наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа, как И.Сталин, рано или поздно он придет и наведет порядок	12	18
И.Сталина злобно поносят люди, которым чужды интересы русского народа и нашего государства	4	5
Мы еще не знаем всей правды о И.Сталине и его действиях	27	30
<u>Затрудняюсь ответить</u>	10	8

А.Пушкина и Ю.Гагарина заметно ниже). Показатели значимости остальных фигур либо остались практически прежними, как у фельдмаршала А.Суворова, либо снизились, как у К.Циолковского. А.Сахаров вошел в общий пантеон на волне своей посмертной легенды, которая питалась у части общества чувством вины за недооценку и слабую поддержку сахаровских инициатив, самой его независимой позиции при жизни ученого и правозащитника (табл. 3)¹. Но за отсутствием социальных и культурных механизмов поддержки подобной памяти, при эрозии и распаде слоя интеллигенции, после утраты фигурами и символами общественных реформ позитивной окраски в общественном сознании и легенда, и вина потеряли значимость, а имя А.Сахарова выпало из области наиболее авторитетных для населения России.

К концу 1990-х годов сравнительно более позитивно оценивается не только фигура И.Сталина, но и вся сталинская эпоха. Однако еще выше параллельно с этим оценивается россиянами эпоха брежневская. При этом сам Л.Брежнев и как личность, и как политический лидер котируется как раз не очень высоко. Другое дело — шеф КГБ в 1967–1982 гг., в ту же брежневскую эпоху, борец с диссидентами, а затем с прогульщиками

и "несунами", еще позже сменивший Л.Брежнева на посту генсека ЦК КПСС Ю.Андропов¹.

По мере роста державно-патриотических настроений, симпатий к "твердой руке" И.Сталин как политический и государственный лидер выходит для значительной части россиян даже на первое место. Он вплотную "приближается" к В.Ленину, а по данным некоторых опросов, и "обгоняет" его; к ним двоим характерным образом "примыкает" опять-таки Ю.Андропов.

Приведем распределение ответов на вопрос: **"Кого из политиков, которые возглавляли наше государство в XX веке, Вы бы назвали самым выдающимся?"** (2000 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
И.Сталин	19
В.Ленин	16
Ю.Андропов	11
Николай II	9
Л.Брежнев	9
М.Горбачев	7
Б.Ельцин	4
Н.Хрущев	3
Затруднились ответить	21

¹ См. материалы специального всесоюзного опроса ВЦИОМ в марте 1991 г.: Человек и легенда. Образ А.Д.Сахарова в общественном мнении. М., 1991.

¹ Согласно данным опроса 1991 г., упоминавшегося в начале статьи, среди людей, о которых будут говорить спустя десятилетия, россияне особенно выделили именно Ю.Андропова. Его фамилию в данном контексте, причем без подсказки социологов, назвали 32% россиян. Следующий за ним М.Булгаков получил 15% голосов, В.Ленин — 11, М.Горбачев — 9, Б.Ельцин — 7, А.Сахаров — 6%.

Таблица 3

НАЗОВИТЕ ДЕСЯТЬ НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

(опросы по программе "Советский человек"; данные по затруднившимся с ответом не приводятся; можно было указать несколько позиций, поэтому сумма ответов превышает 100%)

1989 г.		1994 г.		1999 г.	
В. Ленин	75	Петр I	41	Петр I	45
Петр I	41	В. Ленин	34	В. Ленин	43
А. Пушкин	27	А. Пушкин	23	А. Пушкин	42
М. Ломоносов	22	И. Сталин	20	И. Сталин	35
А. Суворов	18	А. Суворов	18	Ю. Гагарин	26
Г. Жуков	18	Наполеон	14	Г. Жуков	20
Л. Толстой	15	Г. Жуков	14	Наполеон	18
Д. Менделеев	14	А. Сахаров	13	А. Суворов	18
Э. Циолковский	14	М. Ломоносов	13	М. Ломоносов	18
И. Сталин	12	М. Кутузов	11	Д. Менделеев	12
				Л. Толстой	12
Число опрошенных	1250		3000		2000

Таблица 4

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ...

(2000 г., N=1600 человек, данные по затруднившимся с ответом не приводятся)

Вариант ответа	Лидерские качества И. Сталина, его способность руководить страной	Личные качества И. Сталина
Низко*	11	29
Средне	18	26
Высоко**	60	29

* Сумма ответов "ниже среднего" и "очень низко".

** Сумма ответов "выше среднего" и "очень высоко".

Если говорить о великих людях всех стран и народов за последнюю 1000 лет, кого бы Вы назвали самым великим политиком, государственным деятелем? (2000 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Никого	17
И. Сталин	14
В. Ленин	13
...	
Затруднились ответить	24

Уровень "моральной авторитетности" фигуры И. Сталина — при крайней, как уже отмечалось, узости набора, если вообще не отсутствия каких бы то ни было общезначимых моральных образцов для нынешних россиян — сегодня высший

из возможных. Он близок к путинскому (правда, по стилю руководства россияне чаще всего сближают В. Путина в первую очередь с Ю. Андроповым и лишь в меньшей мере — с И. Сталиным). Те, кто к середине 1990-х годов еще относился к фигуре И. Сталина, по их признанию, с безразличием, с тех пор заметно определились в своих симпатиях (табл. 6). Так что сегодня баланс положительных и отрицательных чувств, которые вызывает у населения И. Сталин, выглядит как 1 к 1.

Ответы на вопрос: «*Можете ли Вы назвать человека, который является для Вас "моральным авторитетом", на которого Вы хотели бы походить, по которому хотели бы сверять свои поступки?*» (в % от числа назвавших ту или иную фамилию, 2001 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Затруднились с ответом	46
Нет таких людей	15
А. Сахаров	3
В. Ленин	5
И. Сталин	5
В. Путин	6
Петр I	7

Устройство социума и функция "вождя". Для российского, а затем советского общества, для идеологии традиционалистской, или традиционализирующей, модернизации в России определяющими являются критерии коллективной принадлежности, формы нормативной идентифи-

Таблица 5

КАКОЙ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ ПЕРИОДОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРИНЕС СТРАНЕ, НАРОДУ БОЛЬШЕ ХОРОШЕГО, А КАКОЙ — БОЛЬШЕ ПЛОХОГО?

(затруднившиеся с ответом не приводятся; 1994 г., N=3000 человек; 1999 г., N=2000 человек)

Период	1994 г.		1999 г.	
	Больше хорошего	Больше плохого	Больше хорошего	Больше плохого
Время революции	27	38	28	36
Время И.Сталина	18	57	26	48
Время Н.Хрущева	33	14	30	14
Время Л.Брежневца	36	16	51	10
Время М.Горбачева	16	47	9	61
Время Б.Ельцина	—	—	5	72

кации с социетальным целым, с интегративным "мы". Осью структуризации подобного уравнительного целого выступает вертикаль простейшего иерархического контроля, возглавляемого внеконкурентной фигурой вождя. Иными словами, структура социума в России нового времени, а затем в советской России фиксирует принципиальный разрыв между горизонтальным и вертикальным измерениями — массой и властью. Модернизацию по-русски можно в данном плане назвать институционализацией несостязательности. Она подразумевает отстранение, подавление, а то и прямое устранение "первых", даже кандидатов в первые — наиболее инициативные, успешные — и, напротив, поддержку и даже возвеличивание "скромных", "незаметных", "простых" людей (И.Сталин в конце 1930-х годов прославлял их как "средняков"¹). Соответственно, образцовые, парадигмальные формы организации, модельные институты в подобных условиях по своей конструкции и механизмам властно-иерархические.

Базовым, ведущим среди них выступает **армия**². Причем в трех смысловых планах, акту-

¹ Речь на закрытой встрече 8 ноября 1937 г. с членами Политбюро и еще рядом лиц, среди которых был Г.Димитров, в одной из реплик поставивший И.Сталина рядом с В.Лениным. На это И.Сталин призвал выпить "за середняка" и добавил: "Умейте видеть и ценить середняков офицерского состава" (цит. по: *Такер Р. Сталин у власти. История и личность, 1928–1941. М., 1997. С. 440*). Тогда же он в характерном самоуничижительном тоне объяснил причины успехов — собственных и своих сотоварищей по поколению, таких же "замухрышек": "...вот что решало, боязнь провалиться, и мы вышли в лидеры" (Там же).

² В.Заславский говорит в связи с этим о "военно-индустриальном обществе" и "милитаристской модернизации" (см: *Заславский В. Постсоветский этап изучения тоталитаризма: Новые направления и методологические тенденции // Мониторинг общественного мнения... 2002. № 1 (особенно с. 49-52 и указанные там работы автора и других исследователей)*).

Таблица 6

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К И.СТАЛИНУ?

(в % от общего числа опрошенных в соответствующем году)

Вариант ответа	1994 г.	2001 г.
С положительными чувствами (восхищение, уважение, симпатия)	26	39
Безразлично	25	12
С отрицательными чувствами (неприязнь, страх, ненависть)	45	43
Затруднились ответить	4	5
Число опрошенных	1779	1600

альных для массового респондента. Это армия как воплощенная слава страны, олицетворение ее героических побед, могущества СССР, иными словами, как несущая деталь национально-исторической легенды о великой, мощной и непобедимой державе; армия как простейший вид социальной организации, который соединяет в себе известные, близкие всем и каждому значения равенства, единства равных в их подвластности началам столь же простой, а потому понятной иерархии властных полномочий; наконец, армия как воплощение образцового порядка повседневного существования с его однозначной четкостью ролей и беспрекословным подчинением дисциплине, сравнительной гарантированностью и устроенностью быта — как модель всеобщего образа жизни¹.

¹ Исторический материал о милитаризации повседневной жизни и массового сознания в пореволюционные десятилетия см.: *Pethybridge Ft. The Social Prelude to Stalinism. N.Y., 1974. P. 73–131*. В более общем социологическом плане проблема истолкована в: *Заппер М. Диффузная воинственность в России // Неприкосновенный запас. 1999. № 1. С. 10–21*.

Исследователи новой и значительно более молодой советской номенклатуры 1930-х годов не раз отмечали характерную для нее "закрытость" сознания, отражающую закрытый характер самого советского общества. Так, руководители разных уровней не знали иностранных языков, никогда не бывали за границей. Они крайне напряженно — таков, например, случай **В.Молотова** — воспринимали необходимость даже в официальной обстановке общаться с представителями других государств и культур. В их представлениях, в публичной риторике характерным образом господствовали **конфронтационные**, защитно-наступательные стереотипы. Вместе с тем они всячески отстаивали идею необходимости и эффективности военизированной организации страны, военной дисциплины на производстве, в политической системе, в общественной жизни. Кроме того, стоит учесть, что значительная доля (до четверти) руководителей и пропагандистов нового поколения получила военное образование¹.

Поскольку дифференциация подобной системы выступает в простейшей форме вертикальной властной иерархии, то ведущее место в ней принадлежит не прагматичным деятелям-специалистам, экспертам в своей области, не сравнительно квалифицированным и соответственно сертифицированным, эффективно работающим чиновникам и не публичным лидерам, вышедшим из кругов элиты, политических клубов, рядов различных партий и т.п., а персонализированному символу единой мощи. Точнее говоря, фигура "вождя" здесь даже не столько продолжает и завершает собою инструментально-исполнительскую иерархию, не просто суммирует в себе реальную власть, сколько господствует над самой иерархической лестницей. Она пребывает как бы вне ее, над государством и над обществом².

Признаками упорядоченности для сознания советских людей и наследующих им в данном отношении россиян будут обладать именно организации, структуры такого типа (советский коллектив как форма социального заложничества и "самоконвоирования" представляет собой использование механизмов контроля в закрытом традиционном сообществе для нужд бюрократической власти и воспроизводит то же

принципиальное, горизонтально-вертикальное устройство всего целого на более низких уровнях системы¹). Они сегодня выступают для большинства населения, особенно его старших групп, воплощением порядка, метафорой общества как такового. Но они же — мера оценки социального отклонения, "беспорядка", "хаоса", "бардака" в массовых мнениях. Через соотнесение с ними, но уже исключительно негативным образом, от противного, в массовое сознание входят значения **устроенности** и стабильности. Отсюда — высокая согласованная оценка силы, ее понятность и приемлемость для большинства, фактическое принятие ее массой населения как базового феномена общественной жизни и решающего аргумента в социальном взаимодействии ("чтобы боялись"). Отсюда же — всегдашний символический престиж силовых структур, но не их реальная власть. Например, не инструментальная эффективность армии, — напротив, высокую символическую оценку населением силовые структуры сохраняют даже в отсутствие подобной эффективности.

Одномерная "простота" устройства социального целого и предопределяет функциональную потребность низших уровней иерархии, всего подопечного населения в фигуре сверхвласти — в образе вождя. Тоталитарное общество, которое соединяет в себе "внутренний" изоляционизм, "внешнюю" экспансию и одномерную иерархию господства—подчинения, увенчанную символической фигурой сверхполномочного и сверхвластного вождя, не может быть организовано иначе как по принципу территориально-ведомственного деления власти с дальнейшим "клеточным" умножением уровней и участков контроля уже внутри каждого ведомства и территории (некоторые исследователи говорят при этом о "диффузном авторитаризме"²). Подобное умножение инстанций контроля, понятно, не в силах сделать его более эффективным. Но оно делает гораздо более ощутимым присутствие контролирующих фигур и многократно усиливает символическую значимость "вождя", этой воплощенной управы на любую реальную

¹ См. об этом: *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: Становление и механизм действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25-38.

² См.: *Davies S.* The "Cult of the Vozhd": Representations in Letters, 1934-1941 // *Russian History*. 1997. Vol. 24. N 1-2. Spring—Summer. P. 131-147; *Idem.* The Leader Cult // *Idem.* Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934-1941. Cambridge, 1997. P. 147-182.

¹ Такого рода институции, в том числе род и семья, не противостоят иерархической власти (как бы это было возможно в тоталитарном государстве?), а в определенной степени — как экономические и социальные механизмы — допускаются ею. Но в еще большей мере они ею используются. См.: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 66-96.

² См., например: *Аксютин Ю.В., Журавлев В.В.* От Сталина к Брежневу. Авторитарно-бюрократическая система: Генезис, эволюция, механизмы функционирования // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 325.

Таблица 7

ДОЛЖНО ЛИ ГОСУДАРСТВО КОНТРОЛИРОВАТЬ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ В СЛЕДУЮЩИХ ОБЛАСТЯХ...

(2001 г., N=1600 человек, позиции ранжированы по убыванию позитивных ответов, данные по затруднившимся с ответом не приводятся)

Область контроля	Да	Нет
Цены на жилищно-коммунальные услуги, электричество, газ	96	2
Цены на основные продукты питания	93	5
Деятельность основных отраслей промышленности, крупные предприятия	91	5
Учебно-воспитательный процесс в вузах и школах	88	9
Общественная мораль	79	14
Предпринимательская деятельность граждан	73	21
Крупные расходы граждан	67	28
Работа телевидения	63	32
Деятельность прессы	58	36
Зарубежные контакты граждан	51	40

Таблица 8

ДОЛЖНО ЛИ ГОСУДАРСТВО НАПРЯМУЮ ОГРАНИЧИВАТЬ РОСТ ЧАСТНЫХ ДОХОДОВ, И ЕСЛИ ДА, ТО В КАКИХ ПРЕДЕЛАХ?

(в % от общего числа всех опрошенных и от общего числа молодежной подгруппы в каждом исследовании)

Вариант ответа	1991 г.		2000 г.	
	Молодежь до 24 лет	В среднем по выборке	Молодежь до 24 лет	В среднем по выборке
Вообще не должно ставить ограничений	53	45	50	38
Должно ограничивать доходы, чтобы разница была не более чем в 3-4 раза	7	11	31	32
Должно ограничивать только в той мере, чтобы у нас не было "миллионеров"	10	19	16	20
Затруднились ответить	29	25	3	10

власть. Сверхвласть, т.е. произвол — от прямого насилия до телефонного права — это такая же необходимая составляющая всей громоздкой и неэффективной советской системы управления и контроля, как демпфирующая *корпоративная солидарность* на низовых уровнях номенклатурных ведомств и как дополнительная по отношению к внешним давлениям и ограничениям, защитная, *адаптивная привычка* на уровне неформальных связей семьи и родства, соседства и знакомства, на уровне индивидуального выживания.

Государство, власть воспринимаются массовым сознанием прежде всего как инстанции контроля, источник негативных санкций за потенциальное или реальное нарушение индивидуальной любой нормы из свода ведомственных правил, писанных и неписанных. Привычка на каждом шагу встречать представителей подобного контроля и быть окруженным всякого рода инструкциями, привычка к внешнему надзору и

гиперопеке — значимая часть социального опыта каждого советского, а во многом и сегодняшнего российского человека. Она сохраняется и воспроизводится в окружающей его жизни, в его собственном сознании. В качестве одного из свидетельств в таблице 7 приводятся данные из недавних опросов общественного мнения¹.

Отметим, что на протяжении 1990-х годов более строгого уравнительного контроля государства за ростом доходов населения стали требовать даже наиболее молодые, работоспособные россияне — группы, казалось бы, с повышенной социальной активностью, явными видами на профессиональную карьеру, статусный подъем (табл. 8).

¹ Подробнее см.: Общественный договор: Социологическое исследование. М., 2001, а также: Гудков Л., Дубин Б. "Нужные знакомства": Особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения... 2002. № 3. С. 24-39.

Как известно, так называемые развитые общества исторически складывались, осознавались, поддерживались и пропагандировались их ведущими группами и слоями в качестве "современных" (модерных) именно по мере того, как экономические и политические институты, основополагающие для самого существования подобных обществ, для уровня и образа жизни, образа мысли основной массы их граждан, освобождались от функций социального и морального контроля. Эти функции переходили к правовой и судебной системам, к публичной сфере, общественному мнению, средствам массовой коммуникации. Соответственно менялся и сам характер подобного контроля, все большую часть которого со временем стали составлять универсальные нормы ценностной регуляции, принципы формального права.

Напротив, системы советского типа характеризуются экспансией персонализированного государственного контроля и прямого репрессивного воздействия на большинство сфер социальной жизни, а в пределе — на все общество, на каждого его члена. При этом гиперконтроль "сверху" порождает при всем недовольном брюзжании населения на власть массовое встречное ожидание гиперопеки "снизу" (табл. 9).

Установка индивида на опеку сверху, равно как его же расчет на использование ресурсов контролирующего государства или ведомства в собственных целях вместе с ожиданием негативных санкций за это, входят в конструкцию "привычки" — основного устройства регуляции повседневного, адаптивного по своему характеру поведения людей в обществах описываемого типа¹. Воспроизводимые в массовом масштабе, такие социальные установки, сам подобный тип социальности (социальная инертность, пассивная адаптация, понижающая уровень жизни, самооценок и запросов; тактика избегания "другого" как нежелательного, раздражительная зависть и предупредительная агрессивность по отношению к окружающим, если индивид от них не зависит или они не в силах ответить ему превосходящей агрессией) дисфункциональны. С течением времени, через одно-два поколения, они приводят к разложению общества на горизонтальном уровне.

Но точно так же дисфункциональна и установка власти на чрезвычайные меры в экстраординарных ситуациях (ситуации при этом создаются, доводятся до края или определяются, обо-

¹ Более подробные соображения об этом механизме см. в статье: Дубин Б. О привычном и чрезвычайном // Неприкосновенный запас. 2000. № 5 (13). С. 4–10.

Таблица 9

СМОЖЕТ ЛИ БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ ПРОЖИТЬ БЕЗ ПОСТОЯННОЙ ЗАБОТЫ, ОПЕКИ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА?

(в % от общего числа опрошенных в соответствующем году)

Вариант ответа	1990 г.	1997 г.
Да	20	17
Нет	63	72
Затрудняюсь ответить	17	11
Число опрошенных	1650	1600

значаются как крайние). Если, например, как это все чаще утверждали российские респонденты во второй половине 1990-х годов, все вокруг "прогнило", все институты общества и государства "коррупционированы", то необходимо экстренное вмешательство самых высоких инстанций и надеяться можно только на "чудесного спасителя". Подчеркнем, что в подобных случаях имеется в виду не инструментальное вмешательство специалиста, ограниченного квалификацией и полномочиями, в рамках которых он и берет на себя персональную ответственность. Речь идет о навязанном всем альтернативном определении ситуации как таковой и, стало быть, о радикальной смене для участников критериев их принадлежности, самопонимания, норм поведения. С индивида здесь снимаются все метки частного. Он полностью определяется как принадлежащий целому. Подобный "новый" порядок выстроен как предельно упрощенный, он держится на элементарных и понятных всем оппозициях: "мы — они", "черное — белое", "соратник — враг". Соответственно, определенная в таких терминах ситуация предстает предрешенной и безальтернативной: действовать в ней можно только так, а не иначе. И либо каждый отдельный человек подчинится диктуемому ему особым правилам для всех, либо окажется вне целого, будет от него отлучен.

"Чрезвычайность" и есть такой способ определить ситуацию действия, который однозначно задает характер и границы социального целого, жестко предписывает всем участникам без исключения элементарные роли и требует от них беспрекословного подчинения и исполнения. Беда, однако, в том, что экстренная ситуация, по определению, исключительна. А потому сложившийся в ее рамках "порядок" (даже если он и вправду сложился, чего в отечественных условиях, как правило, не бывает, и введение чрезвычайного положения лишь многократно увеличивает неразбериху, размывает критерии персональной и

даже ведомственной ответственности) не поддается репродукции. Чрезвычайность может фигурировать как нормативный горизонт действия, его страховочный предел ("красная черта"). Но она не образует системы и, значит, не воспроизводима. Расчет на подобные спецсредства, тем более на регулярное, а впоследствии все более частое их использование вне каких бы то ни было экстренных случаев в качестве повседневной практики управления, так же разрушает социальную систему "сверху", как привычка и двоемыслие — "снизу".

Скудость и простота исключительно горизонтальных связей в социуме, как уже говорилось, влекут за собой функциональную необходимость единоличного вождя, "железной руки". Но эксплуатация чрезвычайности и произвола де-

лает общество еще более упрощенным и плоским (не говорим сейчас о человеческих потерях и социальной цене каждого последующего эксперимента, каждого спазма экстренной мобилизации, сверхконцентрации сил, ресурсов и т.п.). Человек привычки, общество привычных людей, **привыкших** привыкать и живущих, выживающих силой привычки, в конце концов привыкает и к чрезвычайности. Так что ни малейшего позитивного эффекта, если говорить о сколько-нибудь протяженной временной перспективе, подобные меры не дают. Решить какие бы то ни было серьезные современные задачи такая власть и такое общество, конечно, не в состоянии.

(Окончание статьи в следующем номере.)

В ДОПОЛНЕНИЕ К СКАЗАННОМУ:

ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ ГОРОДУ ВОЛГОГРАДУ НАЗВАНИЯ "СТАЛИНГРАД"?
(в % от числа собирающихся голосовать за указанную партию; декабрь 2002 г., N=1600 человек)

Вариант ответа	КПРФ	"Единая Россия"	СПС	"Яблоко"	ЛДПР	Всего
Определенно да	31	15	10	9	15	12
Скорее да	20	13	9	3	15	13
Скорее нет	22	31	43	34	34	22
Определенно нет	15	30	27	37	24	31
Затруднились ответить	12	11	11	17	12	22